

ВЧЕРА нельзя было снимать. Вчера было солнце. Сегодня пасмурно, небо задернуто тучами, ленинградский моросящий дождь, кажется, никогда не кончится. Сегодня хорошо. Именно в такую склизкую, промозглую погоду вернулась Виринея из города в родное село. Вернулась с постылым большим мужем, которого уже давно не любит, а только жалеет. Вернулась к родичам мужа, где, зная заранее, будет несладко...

Большая бревенчатая изба повернута к нам крыльцом. Пригнувшись, чтобы не удариться, вышла на крыльцо Виринея, распрямилась — высокая, статная, очень красивая даже в этом нелепом деревенском наряде: широкой, длинной до земли юбке и бесформенной кофточке. Осторожно переступая босыми ногами по доскам, перешла двор, оглянувшись, почувствовав на себе пристальный, откровенный взгляд. Инженер стоял у ворот и все смотрел, не отрываясь, на деревенскую красавицу, забыв все: и зачем шел по этой улице, и о чем хотел говорить в доме.

Гордо откинувшись, пошла Виринея навстречу, косу перекинула за спину, ступает уверенно и глядит на инженера, да так пристально, что пришлось ему первому отвести взгляд. Подошла почти вплотную — дальше мостки заняты, не пройти, сказала негромко: «Посторонись, барин», и он шагнул в сторону, прямо в грязь, а она чуть улыбнулась, небрежно повела плечом и прошла мимо. Слово засмеялось — громынуло ведро у нее в руках...

На экране это совсем короткая сцена. У Виринеи есть куда более яркие, открытые столкновения, более темпераментные и страстные. Ей предстоит еще нравственный бой с деревенским прорицателем, святошей и охальником, унижительная жизнь с беспутной подругой Анфисой на строительстве. Ей предстоит еще в глазах всей деревни уйти гулять за околицу села с инженером, подавившись на его городскую обходительность и уважительную вкрадчивость. Будто забрезжило тогда по-человечески искреннее чувство и закатилось, отступило перед зарницей обжигающей любви к Павлу, любви, которую ждешь всю жизнь, а дождавшись, страшишься, потому что если это снова ошибка, то, значит, конец, смерть...

Но и в том минутном эпизоде, который снимается под моросящим ленинградским дождем в Людмиле Чурсиной — Виринея угадывалась эта несдержанность страсти, неуемность стремлений. За статностью и лицом русской красавицы возникала одухотворенная красота незаурядной натуры, сохранившей чистоту и целомудренность во всех испытаниях забытой деревенской жизни.

Людмила Чурсина снимается почти без грима, лишь чуть под-

ведены глаза да тоном покрыто лицо. Мы сидим в маленьком автобусе «Ленфильма». В окнах — несколько бревенчатых изб кинематографической деревни, построенной под Ленинградом среди живописных холмов Юков. Режиссер В. Фетин и оператор Е. Шапиро готовят следующий кадр, а мы говорим о Виринее, об извечном стремлении женщины к счастью, о русской деревне на пороге революции.

— О Виринее я могу рассказывать часами, — говорит Л. Чурсина, — не часто доводится актрисе встречать такой яркий, сильный, многоплановый характер. Роли со страстями сейчас не в моде. Нынешние сценаристы словно боятся открытых столкновений. Какая-то водянистая жи-

вих во всех есть что играть актрисе и чему сопереживать зрителю. Они требуют большой нервной отдачи и полного напряжения физических и душевных сил.

— Вы очень точно рассказали о ролях, которые вам доводилось играть, которые вам близки и интересны. Но вы совершенно справедливо заметили, что в сегодняшнем кинематографе их единицы. Интересно было бы узнать о вашем отношении к образам героинь, столь распространенных в сегодняшнем кино. Ведь их поведение, их характеры очень мало похожи на тех, о которых вы говорили!

— Последнее время я сама все чаще и чаще задумываюсь над этим сравнением. Меня много

думающее не давали никаких оснований прочитать мысль, угадать состояние героя. Многозначительная пустота понадобилась потому, что так модно, так принято. Таким часто бывает современный киноязык.

Да, бывает. По-моему, реже хорошо, чаще плохо. Чаще ложно, чем правдиво.

Мне кажется, что актрисе теперь очень много усилий приходится тратить на то, чтобы перестать быть актрисой и оказаться не отличимой от потока людей в метро или посетителей кафе.

Может быть, поэтому так часто режиссеры своих исполнительниц находят, как говорится, прямо на улице. Таким исполнителям, видимо, легче выполнить требования

тель нахожусь в другом лагере. Мне не раз приходилось встречать поклонников много творческого направления, спорить с ними. Так было и совсем недавно на просмотре отснятого материала по «Виринее». Я не утверждаю, что это были отличные эпизоды, да и не в этом дело. После просмотра мне говорили: «Вот ты сидишь с нами, говоришь просто, естественно, обыкновенно. А на экране все чуть более приподнято, немного театрально что ли».

Может быть, это упрек, и справедливый, но я его не приняла. Виринея не может быть обыкновенной. Она необыкновенная... Где-то там, за селом, в десах, с горсткой товарищей скрылся муж. Ему нужна помощь. Ему и революции. И Виринея, которая и слова толком выговорить не может, идет за помощью, преодолевая стыд и боязнь. Так идет она и на смерть за любовь свою, за Павла. Но не только за это. Она не может предать дело, за которое борется Павел.

Разве тут обойдешься приглушенной скороговоркой или полуулыбкой? Здесь надо кричать криком и кататься по земле от горя, ненавидеть, так до иступления, а любить, так самозабвенно.

Вот этим всем и дорожи мне Виринея и люди, подобные ей.

Этим и дорожи мне такие характеры на экране. Они возникают в работах многих замечательных мастеров советского кинематографа. Их встречаешь у Ю. Райзмана и М. Калатозова. Такие герои выходят из-под пера Е. Габриловича.

Подвиг дано совершать сильным. И неумным парадоксом выглядит попытка иных кинематографистов заставить восхищаться героизмом слабого.

Когда мы задумываемся над характерными чертами наших современников, мы непременно называем такие понятия, как сила, мужество, самоотверженность, идейная убежденность. Мы говорим о строителях коммунизма, как о людях, страстно, всей душой, всем сердцем преданных стране, партии, горячих энтузиастах своего дела. И вот все это духовное богатство, духовное здоровье нашего человека, всю глубину и многоплановость его характера, убежденность, нельзя передать полутонами, скучным до аскетизма жестом, сквозя сомкнутые губы. Лаконизм — понятие хорошее, но, случается, он приносит и вред. Я против такого рода лаконизма, похожего скорее на жадность скупца, чем на щедрую жизнерадостность художника.

Масштабностью человеческих личностей, яркостью и силой характеров всегда измерялась и будет измеряться значительность произведения искусства. Это в полной мере относится и к кинематографу.

Вел беседу Е. СЕМЕНОВ.

ЛЮДМИЛА ЧУРСИНА:

НЕ НАВИДЕТЬ — ТАК ДО ИССТУПЛЕНИЯ, ЛЮБИТЬ — ТАК САМОЗАБВЕННО

жица, а не горячая кровь питает сердца многих современных киногероинь. Исчезли из обихода и почти забылись такие понятия, как неистовство, ненависть, смятение чувств, одержимость.

Как выгодно отличается от них моя Виринея! Она еще не разучилась глупеть от счастья и не боится быть смешной и страшной в злобе. В ней грубость причудливо соединяется с нежностью, разгульная удалость — с нравственной чистотой, сила — с женственностью.

Когда-то Фурманов говорил, что Виринея во все времена будет привлекательна целостностью натуры, своей крепостью, крижистостью.

Давно исчезли обстоятельства, в которых жила Виринея, иные конфликты рождены жизнью, но такой вот богатый, индивидуальный, от природы талантливый женский характер жив и поныне. Он остается великим открытием писательницы Лидии Сейфуллиной.

Мне как актрисе пока везло. В своих предыдущих фильмах мне приходилось не раз встречать такого рода роли. Шолоховская масштабность присуща Дарье в «Донской повести». Недавно закончена работа над Анфисой в «Угрюм-реке» Шишкова. Теперь Виринея.

Все эти роли построены на кипеции чувств, острых столкновениях. В них развитие, движение характера стремительно несется от кульминационного взлета к трагическому слову. Словом, в

приглашают сниматься, дают читать сценарии. Режиссер обычно говорит: «Тут самое важное второй план, понимаете, то, что стоит за этим событием». А откуда возьмется этот второй план, спрашиваю я, когда нет первого, когда событие совсем незначительное? О чем думать, если повод для раздумий ничтожен и чикаких глубоких мыслей не способен вызвать?

Мне порой кажется, что язык многих современных киногероинь (да и героев тоже), словно, действительно дан им за тем, чтобы скрывать свои мысли. Запутанно и туманно, полузагадками, полудогадками говорят они между собой, а ты слушаешь и как будто кроссворд разгадываешь. Вот сейчас герой, видимо, дает понять, что он ее любит, а она многозначительно молчит, и надо догадаться, что молчание — это знак согласия. И не поймешь, то ли у нее печень болит, то ли она влюблена.

Я не помню сейчас названия одного фильма. Очень характерного в своем роде. Это была некая попытка раскрыть природу литературного творчества и сложность человеческих взаимоотношений. Единственный прием, который нашли для этого авторы, — это паузы. Длинные, тягучие паузы, во время которых набегают на берег волны и уныло плывет по реке баркас. Перебивкой, крупно — глаза, устремленные вдаль, сосредоточенное лицо — и снова волны. Ни предыдущее, ни после-

режиссера и не выделяться из потока идущих мимо людей.

Таким образом достигается жизнеподобие. Но очень редко этот метод дает возможность подняться до обобщения явлений жизни, до типизации характера человека. «Будь сама собой, — кричат режиссеры, — только ничего, ради бога, не играй».

Я всего несколько раз в жизни встречала актеров, которые могли себе позволить ничего не играть. Масштаб их человеческой личности, их таланта давал им право оставаться самими собой при встречах со зрителями. Таковыми могли быть Смоктуновский, Симонов, Жан Габен, Матроянни. А иначе, играя самого себя, ничего, к сожалению, зрителям не откроешь.

Я совершенно убеждена, что во многих модных фильмах незначительность мыслей и чувств есть результат требования — ничего не играй, будь самим собой!

— Однако у такого рода направления в киноискусстве найдется немало защитников и среди кинематографистов, и среди зрителей. Приглушенность чувств, сдержанность переживаний считаются вроде бы характерными для современного человека. Разумеется, никто не будет поощрять убогость содержания, душевную бедность, но проявления человеческой индивидуальности не всегда требуют открытого взлета темперамента, высокого градуса страсти.

— Возможно. Возможно, это так. Но я как актриса, как зри-